

Яо Цинь стояла у входа в лавку, наблюдая, как две фигуры удаляются всё дальше. Ей казалось, что она снова вернулась в прошлое, семнадцать лет назад, когда, играя в бамбуковой роще, она случайно увидела человека, игравшего на цитре. В руках у него был кувшин с вином, цитра, на нём была зелёная одежда, ветер растрепал его волосы, а на лице играла беззаботная улыбка, полная... лёгкой грусти.

Он поманил её рукой и спросил:

— Девочка, сколько тебе лет?

Впервые разговаривая с незнакомцем, она немного смутилась, но его улыбка была настолько приятной, что она честно ответила:

— Пять лет.

Следующие десять дней, пожалуй, были самыми счастливыми в её памяти. Он учил её играть на цитре, рассказывал буддийские притчи, хотя повторял одну и ту же фразу:

— Ничего не стоит добиваться силой...

Через десять дней он ушёл, оставив ей эту цитру и велев ждать того, кому она предназначена. Перед отъездом он сказал:

— Твоя жизнь будет полна трудностей, и всё из-за твоей чрезмерной привязанности. Хотя мои слова, возможно, ничего не изменят, я всё же надеюсь, что ты будешь жить свободно и легко.

Тогда она была слишком маленькой, чтобы понять, что он имел в виду, но запомнила его слова навсегда, так же как и его последний жест — он погладил её по голове и с улыбкой сказал:

— Береги себя.

Прохладный вечерний ветерок разбудил её от грёз. Хотя всё было так похоже, она уже не была той девочкой, которой была семнадцать лет назад. Жизнь непредсказуема, но всё же предопределена. В пять лет она знала, что нужно отпустить привязанности, но в итоге всё равно оказалась в их плену. Что поделать, некоторые люди просто рождаются упрямыми.

Минуты воспоминаний всегда пролетают быстро. Оглянувшись, она увидела, что прохожие спешат по своим делам, и никто не останавливался ради неё. Люди в этом мире удивительны: все могут быть добрыми, но одни делают это, чтобы ты помнил их доброту, а другие — чтобы ты забыл об их хорошем отношении. Одни удерживают тебя, чтобы ты не ушёл, а другие — чтобы ты наблюдал, как они уходят. Она видела слишком много, слишком глубоко понимала это и уже сошла с ума, поэтому не могла вернуться назад.

Тихо вздохнув, Яо Цинь повернулась, чтобы войти в лавку, как вдруг услышала за спиной голос:

— Цинь-нян, я пришёл послушать, как ты играешь.

Обернувшись, она увидела жадный взгляд и развратную улыбку.

Холодным взглядом она посмотрела на пришедшего, а затем мгновенно сменила выражение лица на кокетливое:

— Господин Лю, какой у вас интерес, днём слушать музыку.

С этими словами она проводила нетерпеливого мужчину в лавку, закрыла за ними дверь и, повернувшись, уже без тени улыбки, смотрела на него с убийственным взглядом, исходившим из глубины её души.

Вернувшись в усадьбу, Сыту немного утешил семью Цянь Лаолю. Цзян Цин оказался настоящим профессионалом, устроив похороны с достоинством, а семью устроил с комфортом. Теперь он уже начал расследование дела. Му Лин, осмотрев тело Цянь Лаолю, бросил Цзян Цину:

— Он был отравлен большим количеством афродизиаков, его точки были заблокированы, а внутренности разорваны.

Сказав это, он отправился в лабораторию заниматься своими лекарствами. Видя, как Цзян Цин суетится, он с долей пренебрежения указал на него:

— Ты, видимо, родился для работы. Иди скорее к Сяо Хуану, пусть он тебе что-нибудь предскажет, чтобы избежать беды, а то потом так замотаешься, что и жену не найдёшь!

Цзян Цин чуть не поджёг его лабораторию от злости.

Сяо Хуан, однако, был более внимательным и поднёс ему чашку воды, чем растрогал Цзян Цина до слёз. К вечеру Сыту вдруг позвал Цзян Цина, взял Сяо Хуана и вышел из усадьбы. Они направились к гостинице неподалёку от лавки Яо Цинь, где заняли уютную комнату на втором этаже.

Ночью пошёл сильный дождь. Хуан Баньсянь стоял у окна, наблюдая, как потоки воды стекают на землю, а ветер создаёт рябь на лужах, унося её вдаль. Всё вокруг было наполнено шумом дождя.

Сыту подошёл к окну, обнял Сяо Хуана, смотрящего в окно, и тихо прошептал ему на ухо:

— Не грусти из-за чужих людей.

На следующее утро тучи рассеялись, и яркое солнце ослепило глаза. На улице, вымытой дождём, лежало уродливое тело. Открывший двери для утренних гостей слуга ресторана сразу заметил лежащего перед входом холодного и жёсткого хозяина заведения. Он тут же закричал,

вбегая внутрь:

— Беда! Господина Лю Демон-цветок высосал до смерти!

Во внутреннем дворе усадьбы Чёрного Облака росло большое дерево павловнии. Его светло-фиолетовые цветы были настолько густыми, что ветви сгибались под их тяжестью. Иногда ветер срывал крупные цветы, и они покрывали весь двор. Павловния — удивительное дерево: ствол крепкий и прямой, а ветви раскидистые и гибкие. Цветы настолько тяжёлые, что гнут ветви, но и лёгкий ветерок может их сорвать. Светло-фиолетовые лепестки, лежащие на каменистой дорожке и плавающие в ручье, наполненном дождевой водой, выглядели невероятно красиво. Цветы быстро распускаются и быстро опадают, словно за одну ночь они уже покрыли землю. Но если поднять голову, на ветвях всё ещё видны новые цветы. Когда люди привыкают каждый день видеть цветы на земле, они перестают ценить эту красоту, пока однажды не замечают, что на каменистой дорожке остались только листья, а цветов больше нет. Только тогда они понимают, что ни один цветок не цветёт вечно. Павловния же особенно решительна и свободна — она не даёт времени для печали, исчезая в момент своего наивысшего великолепия.

Прошедшей ночью дождь был настолько сильным, что под большим деревом павловнии скопилось множество сбитых им цветов, источающих лёгкий аромат. Однако лепестки, пропитанные дождём, стали скользкими, и наступить на них было опасно. К тому же, раздавленные фиолетовые лепестки, прилипшие к земле, выглядели не очень эстетично.

Му Лин, неизвестно откуда взявшийся, утром взял большую метлу и начал подметать цветы во дворе. Обернувшись, он заметил, что на ступеньках перед галереей сидел Сяо Хуан. Подперев голову рукой, он смотрел в сад, словно размышляя о чём-то, то ли о цветах, то ли о людях.

Заметив, что Сяо Хуан выглядит задумчивым, Му Лин отложил метлу, подошёл к нему и, склонив голову набок, спросил:

— Почему ты один? Где Сыту, ещё не встал?

Сяо Хуан поднял лицо и тихо покачал головой:

— Он ушёл.

— Что с тобой? Нехорошо себя чувствуешь? — Му Лин потянулся, чтобы пощупать лоб Сяо Хуана. — Ты можешь перестать принимать то лекарство, девять из десяти лекарств — яд, слишком много тоже вредно.

Сяо Хуан кивнул и продолжил сидеть, обняв колени.

Му Лин не стал ему мешать, вернулся к метле и продолжил уборку, как вдруг Сяо Хуан спросил:

— Ты слышал имя Инь Цзили?

— Хм... — Му Лин обернулся и усмехнулся. — Инь Цзили, министр-предсказатель? Конечно, слышал, это было больше десяти лет назад.

— Что с ним стало? — спросил Сяо Хуан. — Я слышал, что он внезапно исчез много лет назад, и с тех пор его никто не видел.

— Разве он не обладал способностями, недоступными даже духам? — Му Лин собирал цветы в совок. — Говорят, он предвидел, что однажды уйдёт в одиночестве, поэтому и назвал себя Инь Цзили.

Сяо Хуан провёл пальцем по колену, словно размышляя вслух:

— Тот, кто сказал, что у меня будет трёхлетнее бедствие, похоже, и был Инь Цзили.

Му Лин удивился, подошёл ближе:

— Ты его видел?

Сяо Хуан покачал головой:

— Мой отец видел.

— Твоя семья, наверное, очень тебя любит? — Му Лин сел рядом с Сяо Хуаном. — Как они отпустили тебя одного?

Сяо Хуан моргнул, положил подбородок на колени и тихо сказал:

— Я не могу вернуться три года.

Му Лин сел рядом, подперев голову рукой, и вздохнул:

— Эх... Мы с тобой похожи, оба живём, считая дни.

Сяо Хуан с недоумением посмотрел на него:

— У тебя тоже трёхлетнее бедствие?

С лёгкой улыбкой Му Лин погладил подбородок:

— Мне повезло больше, у меня нет проблем. Когда эта болезнь станет невыносимой, и лекарства не помогут, всё закончится само собой.